

3. Жарко С. Ю. Типологія словотвірних значень відсубстантивних похідних : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01. "Українська мова" / С. Ю. Жарко. – Дніпропетровськ, 2008.
4. Загнітко А. П. Теоретична граматики української мови : Морфологія / Загнітко А. П. – Донецьк : ДонДУ, 1996. – 436 с.
5. Клименко Н. Ф. Словотвірна структура і семантика складних слів у сучасній українській мові / Клименко Н. Ф. – К. : Наукова думка, 1984. – 251 с.
6. Курс сучасної української літературної мови / за ред. Л. А. Булаховського. – К. : Рад. школа, 1951. – Т. 1. – 518 с.
7. Родзевич Н. С. Про будову складних слів у сучасній українській мові // Українська мова в школі. – 1952. – № 6. – С. 10 – 19.
8. Русанівський В. М. Історична лексика в поезії Т. Г. Шевченка // Мовознавство. – 1991. – № 4. – С. 3 – 10.
9. Стишов О. Сучасне українське словотворення : основні тенденції розвитку // Мовознавчий вісник : зб. наук. пр. на пошану професора Катерини Городенської з нагоди її 60-річчя / МОН України. Черкаський нац. ун-т ім. Б. Хмельницького ; відп. ред. Г. І. Мартинова. – Черкаси, 2009. – Вип. 8. – 348 с. – С. 136 – 147.
10. Феценко М. М. Словотворча будова українських назв лікарських рослин // Мовознавство. – 1972. – № 6. – С. 84 – 86.

Анотація. У статті висвітлено трактування природи іменників-юкстапозитів у вітчизняному мовознавстві, досліджено основні словотвірні тенденції та окреслено подальші перспективи розгляду цих мовних одиниць.

Ключові слова: іменник-юкстапозит, словотвірні тенденції, кореляція, зрощення, сурядний і підрядний синтаксичний зв'язок, і-подібне та як-подібне значення.

Summary. The article deals with interpretation of the nature of "yukstapozit's" nouns in Ukrainian linguistics, research basic tendencies of word-formation and subsequent prospects of consideration of these linguistic units.

Key words: noun-"yukstapozit", tendencies of word-formation, correlation, accretion, coordinative and contract syntactical connections, "i"-alike and "як"-alike meanings.

УДК 811.111

Альева Гюльчохра Бабаи кызы

О ПРОБЛЕМЕ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИСТИКЕ

Исследование стилистического аспекта грамматических форм представляет собой важную область лингвистического анализа, поскольку этот аспект как никакой другой отражает реальное функционирование грамматических категорий в тексте.

Аспектуальное значение форм английского глагола вытекает из характера речевого функционирования, а также взаимодействия и взаимообусловленности различных средств языковой иерархии.

Нейтрализованные формы стилистически не маркированы, а транспонированные формы, напротив, представляют собой определенный стилистический прием грамматической метафоры и служат средством раскрытия стилистического потенциала грамматической категории времени.

Теория функционально-семантической категории аспектуальности, получившая детальное развитие в славистике, довольно интенсивно разрабатывалась и в германистике.

Аспектуальность как комплексная категория отличается сложным содержанием и многообразием средств выражения характера протекания глагольного действия.

Общеизвестно мнение ученых о существовании различных средств выражения аспектуальной семантики – лексических, морфологических, синтаксических. Но и поныне лингвисты расходятся в интерпретации их языкового статуса, роли в формировании аспектуальных значений в процессе речевого функционирования, а также характера их взаимодействия при этом.

Наибольшие разногласия существуют по поводу морфологического компонента системы аспектологических средств, а именно, по поводу категориальной принадлежности простых,

длительных, совершенных и совершенно-длительных глагольных форм в связи с их аспектуальной значимостью.

Проблема аспектуальной классификации английской глагольной лексики остается спорной до сих пор. Трудности решения проблемы аспектуальности в современной англистике обусловлены как сложностью самого языкового явления, так и нерешенностью общетеоретических проблем лингвистической семантики, морфологической категории, взаимодействия уровней языковой системы вообще и уровней лексики и грамматики, соотношения языка и речи, в частности. Каждому глаголу, как единице языка, присуща только одна потенциальная сема – предельности/непредельности.

У исследователей еще не сложилось единого мнения о характере взаимоотношений и иерархии лексических и морфологических средств выражения аспектуальности в современном английском языке. Системное исследование номенклатуры разноуровневых аспектологических средств с позиции их интеграции в межуровневое поле в англистике еще не проводилось.

Общепринято рассматривать систему языка как четкую иерархию уровней, но вопросы о количестве уровней, о межуровневых связях остаются пока спорными, что также можно отнести и к уровням лексики и грамматики. Вопрос о характере взаимодействия уровней системы языка тесно связан со сложнейшими проблемами лингвистической семантики. При решении вопроса о соотношении и роли внутриязыковых (системных) и отражательных (абсолютных) компонентов семантической структуры языковых единиц определяющая роль по праву признается за отражательными компонентами, что вытекает из целевого назначения языка. И это, прежде всего, касается лексических единиц языка, а также таких грамматических категорий, как категории вида и времени. Изучение языковых явлений в условиях их функционирования и обязательного взаимодействия стимулировало появление и распространение так называемого полевого подхода и таких понятий, как лингвистическое поле, функциональная группа, функционально-семантическая категория и т.д.

В теоретическом плане в данной статье использовался полевой подход к изучению проблемы аспектуальности с позиций теории языковой понятийной категории, что позволило установить функциональные особенности морфологических и лексических аспектуальных средств, а также их структурные характеристики и характер взаимодействия в процесс совместного функционирования. В отличие от славистики, ЯПК (языковая понятийная категория) аспектуальности в англистике еще мало исследована с точки зрения ее формального состава и иерархии ее конститuentов. Но поскольку и языку и речи объективно присущи количественные признаки, познание их создает возможность “проникнуть в тайны построения и функционирования языка, позволяя более точное, строгое и объективное описание, к которому прибегают при изучении наиболее сложных языковых явлений” [9, 4-5].

Многие вопросы, связанные с трактовкой морфологической категории, продолжают оставаться дискуссионными и дают о себе знать при интерпретации конкретных категорий в разных языках. Это относится также и к морфологической категории вида. Так, хотя теория вида в русистике имеет длительную историю, считается преждевременным говорить о том, что “какая-то теория вида более или менее приблизилась к окончательному оформлению и общему признанию” [10, 13]. Прежде всего, это касается трактовки семантики сочленов оппозиции совершенность/несовершенство (СВ/НСВ).

Еще более спорной является проблема морфологической категории вида в современном английском языке. Спорной остается сама правомерность вычленения морфологической категории вида, проблемы ее формального состава, значений и функций ее противочленов, ее взаимоотношений с морфологической категорией времени, а также с другими средствами выражения аспектуальности, например, семасиологической категорией предельности/непредельности. Думается, что в основе всех этих проблем лежат, прежде всего, трудности семантического плана. Если обратиться к логическим понятиям, которыми в первую очередь, как уже отмечалось, обусловлена лингвистическая семантика в широком плане, то вполне очевидно, что такие признаки, как длительность и течение, или порядок следования, являются свойствами времени и выражаются через категории прошлого, настоящего и будущего [7, 22 – 24].

Те же самые признаки логических моделей временных отношений взяты исследователями за основу вычленения английской видовременной системы [Баранов 1975, 12 – 26], что затрудняет разграничение лингвистических временных и видовых значений и соответственно, определение характера взаимоотношений морфологических категорий, их представляющих. Этим же объясняется и возможность рассмотрения одного и того же лингвистического значения разными исследователями – то как видового, то как временного (например, значений законченности/незаконченности, предельности/непредельности), и противоречивая трактовка семантики глагольных форм, когда одной и той же форме в качестве основного приписывается то временное,

то видовое значение, и, следовательно, по-разному решается вопрос о ее категориальной принадлежности [6, 8-9].

Эта идея лежит и в основе понятия “сопряженных морфологических категорий” В.Н. Ярцевой [11, 15-16].

Рассмотрение различных временных форм как видовых, с одной стороны, и видовых значений как временных значений особого типа, с другой стороны, создает трудности в дифференциации временных и видовых значений [4, 201-205]. Все это делает понятными сомнения в правомерности признания морфологической категории вида в современном английском языке и живучесть традиционной трактовки простых, длительных, перфектных и перфектно-длительных форм как форм времени. Причем, в семантической структуре этих временных форм имеются определенные аспектуальные компоненты, которые трактуются как некатегориальные значения, тесно связанные с категориальным значением времени, являющиеся его побочным продуктом [3, 181-183].

Проведенное В.Д. Рожковой статистическое исследование функционирования этих форм в плане их участия в формировании ДП (достигнутость предела) и НДП (недостигнутость предела) ЯПК аспектуальности позволило выявить синтагматические аспектологические закономерности, согласно которым:

1) одни из них являются аспектологически нейтральными (инфинитив, настоящий перфект, прошедшее простое), так как они одинаково часто обнаруживаются как в сфере значения ДП, так и в сфере значения НДП, а соотношение ДП/НДП в этих формах приближается к соотношению 1:1;

2) другие проявляют ярко выраженное тяготение либо к сфере значения ДП (императив, будущее простое, причастие II), либо к сфере значения НДП (настоящее и прошедшее длительное, настоящее и прошедшее перфектно-длительное, причастие I, настоящее простое), так как соотношение значения ДП/НДП в этих формах оказывается равным 2:1 (1:2) и выше;

3) третьи являются переходными от аспектуально окрашенных к аспектологически нейтральным формам (герундий, прошедший перфект), так как соотношение ДП/НДП в них не достигает соотношения 1:2 (2:1), но приближается к нему [9, 9].

Проблема аспектуальной классификации английской глагольной лексики остается спорной до сих пор. Более убедительным представляется рассмотрение категории предельности/непредельности как лексико-семасиологической категории в силу того, что:

1) аспектуальное значение является одним из компонентов лексического значения глагола как единицы языка;

2) категория предельности/непредельности является абстракцией от различных группировок глаголов по признаку способа действия, которые единодушно признаются семантическими группировками, выделяемыми лишь на основе общности значения глагольных лексем;

3) отсутствует последовательное формальное выражение категории аспектуальности.

Несмотря на определенную диффузность семантических классификаций, связанную с тем, что “значения лингвистических знаков представляют собой нечеткие множества с размытыми границами” [8, 6], разбиение глагольной лексики по аспектуальному признаку все же возможно и целесообразно. Каждому глаголу как единице языка присуща только одна потенциальная аспектуальная сема предельности (для предельных глаголов) или непредельности (для непредельных глаголов), составляющая часть основного внеконтекстного лексического значения глагола.

Проблема взаимодействия и взаимообусловленности аспектуальной семантики предельных и непредельных глаголов и изучаемых глагольных форм затрагивалась многими лингвистами, для убедительного и однозначного решения проблемы требуется более глубокий анализ.

Несмотря на то, что формы времени и вида неоднократно подвергались рассмотрению в лингвистической литературе [5], до сих пор не существует исчерпывающего исследования, посвященного рассмотрению системы времени и вида английского глагола в лингвостилистическом аспекте, основанного на оппозиционном подходе к грамматическим явлениям. Раскрытие лингвостилистического потенциала грамматических форм, описание факторов ситуативного контекста как лингвистических, так и экстралингвистических поставлено в зависимость от типа функционального замещения – нейтрализации или транспозиции. Под замещением понимается синтагматический процесс снятия смысловых дифференциальных признаков противочленов и стяжения бинарной оппозиции к одному члену, в результате чего один из противочленов выполняет функцию другого. В оппозиционном замещении выделяются два случая, которые имеют одинаковую основу, но вместе с тем, и принципиальное различие. Эти два случая представляют собой нейтрализацию и транспозицию.

Нейтрализация определяется как такой частный случай оппозиционного замещения, при котором замещающий член выполняет функции своего противочлена, теряя “на время” свои собственные.

Транспозиция представляет собой такой частный случай оппозиционной редукции, при котором замещающий член перенимает функцию своего противочлена (становясь основной), но сохраняет частично и свою собственную функцию, которая становится фоновой или переносной [5, 4].

Различие между этими двумя типами замещения позволяет установить разницу между редуцированными вариантами языковых форм в стилистическом плане. Нейтрализованные формы не обладают маркированностью, они незаметны на общем фоне функционирования языковой подсистемы. Транспонированные формы, напротив, обладают яркой стилистической окраской, в них всегда присутствуют элементы экспрессивности и эмоциональности. Это объясняется самой природой транспонированных форм, которая заключается в одновременной реализации двух групп функций. Направление редукции в обоих типах замещения может происходить как в сторону слабого (“нисходящее” замещение), так и в сторону сильного (“восходящее” замещение) члена.

Общая теория оппозиционного замещения применяется к грамматическим категориям времени и вида английского глагола. Из разнообразных концепций глагольного времени за основу принимается теория, согласно которой система времен образуется двумя рядами оппозиционных противопоставлений. Первый ряд представлен противопоставлением прошедшего времени настоящему времени. Второй ряд объединяет две реализации оппозиции по будущему: будущее-настоящее и будущее в прошедшем – прошедшее. Для терминологического различия времена первой категории называются “первичными”, времена второй – “вторичными” [5, 6].

У первичных времен наиболее известным случаем замещения является перенос формы настоящего времени в план прошедшего времени. В результате образуется значение настоящего исторического времени (претеритный презент), которое представляет собой случай восходящей транспозиции (Примеры заимствованы у Н.В. Данчесвой).

There was a garage just round the corner behind Belgrave Square where he used to go every morning to watch them messing about with cars. Crazy about the cars the kid was. Jimmy *comes in* one day with his motor bike and side car and asks for some petrol. He *comes up* and looks at it in the way he had (E. Waugham).

При обратном направлении замещения (нисходящем) форма прошедшего времени частично утрачивает свое собственное значение и приобретает дифференциальное значение своего противочлена – “включенность в момент речи”, которое становится основным (презентный претерит):

Sally: Excuse me, Mrs. Ormond, But I just wanted to tell you that we have breakfast at half-past eight, if that’s not too early (J. Priestley).

Основной стилистической функцией настоящего исторического (претеритный презент) является функция оживления повествования, поскольку настоящее историческое представляет событие прошлого перед глазами адресата ярко и наглядно. К настоящему историческому прибегают иногда для выделения кульминационных, драматических, порой юмористических моментов в художественном произведении. Претеритный презент типичен для монологической речи.

Основной стилистической функцией презентного претерита является его подчеркнутая вежливость, скромность, ненавязчивость обращения. Презентный претерит типичен для разговорной диалогической речи.

У вторичных времен возможным случаем замещения является перенос формы настоящего времени в сферу будущего (футуральный презент). В результате сема временной формы настоящего нейтрализуется, и она приобретает значение “будущность (следование за моментом речи)”:

Well, I must go below now. It is going to be rough and I am a bad sailor. We *meet* at Lady Metroland’s on the twelfth, if not, as I hope, before (E. Maugham).

Футуральный презент при нейтрализации способен не только выразить отнесенность действия к будущему, ближайшему или отдаленному, но также показать необходимость или определенность действия в силу заранее намеченного плана. Нейтрализованный футуральный презент обычно употребляется в разговорной диалогической речи.

У футурального презента помимо нейтрализации возможна и транспозиция. В этом случае собственное значение формы настоящего времени частично затемняется и сохраняется как фоновое:

I’ve been daydreaming (not for the first time) about living with G.P. He *deceives* me, he *leaves* me, he *is* brutal and cynical with me, I *am* in dispair... We are together very close in spirit. All silly magazine stuff, really, in the details (J. Fowles).

Футуральный презент при транспозиции выполняет и субъективно-оценочную (модальную) функцию, так как способен передать категоричность относительно выполнения некоторого действия в будущем:

Sally (with sudden anger): Harm or no harm, he *leaves*. Here in t’ morning. Well get on better without him. And I’m going to tell him so (J. Priestley).

Сфера применения футурального презенса при транспозиции ограничивается прямой речью как монологического (мечты о будущем, предсказание), так и диалогического характера (обмен короткими репликами).

При нисходящем направлении замещения в оппозиции вторичных времен образуется транспонированная форма, которая реализует два значения: собственное значение будущности и значение “включенность момента речи”. У презентного футурума выделяются три разновидности, каждая из которых характеризуется своим модальным значением:

When she comes to London it never occurs to her that she should stay anywhere but here-she thinks it would hurt my feelings-and *she'll pay* me visits of three or four weeks and she knits and reads (W.S. Maugham).

Первая разновидность презентного футурума (привычное действие при характеристике некоторого лица или предмета) сохраняет свою модальную сему при переводе в план прошедшего:

“It’s not like Jolyon to be late!” he said to Irene, with uncontrollable vexation. “I suppose it’ll be June keeping him” (J. Galsworthy).

I will not here narrate all I heard and saw... I *will* only say that I saw no physical cruelty (W.S. Maugham).

Вторая (значение предположительностей) и третья (снятия категоричности утверждения) разновидности презентного футурума не поддаются переводу в план прошедшего.

Рассматриваемые модальные значения принадлежат к субъективно-оценочной модальности, поскольку они выражают отношение говорящего к сообщаемому. Иногда это отношение приобретает эмоциональную окраску, что оказывает влияние с помощью грамматической формы на сообщение в целом. Первая разновидность встречается как в авторской речи, так и в речи художественных персонажей (преимущественно монолог); вторая и третья разновидности характерны для диалогической речи.

Исследование стилистического аспекта грамматических форм представляет собой важную область лингвистического анализа, поскольку этот аспект, как никакой другой, отражает реальное функционирование грамматических категорий в тексте и способствует выявлению глубинных содержательных пластов текста.

Таким образом, подытоживая вышеизложенное и опираясь на базовые положения работ Д.К. Рожковой и Н.В. Данчаевой, можно сделать следующие выводы:

1. Трудности решения проблемы аспектуальности в современной англистике обусловлены как сложностью самого языкового явления, так и нерешенностью общетеоретических проблем лингвистической семантики. Каждому глаголу как единице языка присуща только одна потенциальная аспектуальная сема – предельности/непредельности.

2. Аспектуальное значение форм английского глагола вытекает из характера речевого функционирования, а также взаимодействия и взаимообусловленности различных средств языковой иерархии.

3. Временные формы, образуемые при транспозиции в оппозициях первичных и вторичных времен, способны выполнять стилистические функции оживления повествования и создания эффекта сопереживания (настоящее историческое, футуральный презенс), субъективно-оценочную или модальную функцию (футуральный презенс, презентный футурум) и обладать дополнительными экспрессивными оттенками (презентный претерит);

4. Нейтрализованные формы стилистически не маркированы, а транспонированные формы, напротив, представляют собой определенный стилистический прием грамматической метафоры и служат средством раскрытия стилистического потенциала грамматической категории времени.

Список использованных источников

1. Балин Б.М. Немецкий аспектологический контекст в сопоставлении с английским. – Калинин, 1969.
2. Болдырева С.П. Аспектуально-релевантная валентность предельных и непредельных глаголов современного английского языка. Автореф. дисс... канд. филол. наук. – М., 1978.
3. Бондарко А.В. Категориальные и некатегориальные значения в грамматике. В кн.: Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976.
4. Ванников Ю.В. Опыт типологического анализа временных значений. В кн.: Языковые универсалии и лингвистическая типология. – М., 1969.
5. Данчеева Н.В. Грамматические формы видовременной системы английского глагола в ситуативном контексте Автореф. дисс... канд. филол. наук. – М., 1982.
6. Макаров Е.В. Функциональные особенности прошедшей перфектной формы в современном английском языке. Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Минск, 1977.
7. Павлов В.П. Логико-методологическая функция категории пространства, времени и причинности. Автореф. дисс... докт. филол. наук. – Киев, 1969.

8. Пиотровский Р.Г., Бектаев К.Б., Пиотровская А.П. Математическая лингвистика. – М., 1977.
9. Рожкова Д.К. Лингвостатистический анализ английского глагола в плане категории аспектуальности. Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Калинин, 1979.
10. Шелякин М.А. Основные проблемы современной русской аспектологии // Известия Воронежского гос. пед. института. – Воронеж, 1975.
11. Ярцева В.Н. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языка. В кн.: Типология грамматических категорий. – М., 1975.

Анотація. Стаття присвячена проблемам аспектуальності в сучасній англійській.

На основі польового підходу до вивчення проблеми аспектуальності з позицій теорії мовної поняттєвої категорії встановлені функціональні особливості морфологічних і лексичних аспектуальних засобів, а також їхні структурні характеристики й характер взаємодії в процесі спільного функціонування.

Ключові слова: аспектуальність, категорія часу, граматична метафора, часові форми.

Summary. The article deals with the problem of aspect in modern English philology. On the grounds of semantic fields to study problems of aspect, functional peculiarities of morphologic and lexical aspect means were defined as well as their structural characteristics and the way of their interrelation in the process of co-functioning.

Key words: aspect, category of time, grammatical metaphor, tense forms.

УДК 82-311.8

АЛЕКСЕНКО В. Ф.

КОНЦЕПЦІЯ ЛЮДИНИ В “СЕНТИМЕНТАЛЬНІЙ МАНДРІВЦІ” Л. СТЕРНА

Парадокс Стерна полягає, по-перше, в тому, що, хоча письменник визнається “батьком” нового літературного напрямку – сентименталізму (сам термін утворився від назви його відомого роману “Сентиментальна мандрівка”), творчість цього автора знаменує собою радше заключний, зрілий етап розвитку англійського сентименталізму. По-друге, не можна сказати, що герої (і насамперед оповідач) Стерна, зокрема – у згаданому романі, цілком “вкладаються у сентименталізм”. Навпаки, ми часто зустрічаємо в його творах відверте кепкування з ідеалів сентименталізму, що навіть дозволило свого часу Д. Затонському визначити Стерна як постмодерніста¹. Нині формується течія, яка піддає сумніву традиційну нерозривну пов’язаність письменника виключно з сентименталізмом [див.: 4, 6]: з’являються дослідження, автори яких знаходять у Стерна риси літератури рококо [2, 5, 11, 16]. Звичайно, це найперше стильова проблема, але ж рококо – це ще й світогляд, побудований на ідеї гри; характерні формули “Мистецтво жити рокайльно” (Н.Т. Пахсарьян [11]); “Мистецтво гри на годинникових стрілках за Стерном” (К. А. Карслян [7]); “Рокайльне кепкування над сентиментальним героєм в епоху Просвітництва” (П. Ю. Єрмакова [5]). Утім, не йдеться про те, аби “перемістити” Стерна від сентименталістів до письменників рококо. Як пише П. Ю. Єрмакова: “Хотілося б підкреслити, що я не вважаю “Сентиментальну мандрівку” романом рококо в чистому вигляді. Рокайльні характеристики, які ми виявили, вступають у складні взаємини зі стилістикою сентименталізму і з традицією просвітницького роману мандрівки. І всі вони разом узяті є предметом рефлексії, іронії та пародії для Лоренса Стерна, який створив навмисно ускладнену романну структуру, повну внутрішніх стильових взаємодій, одним з елементів якої є стиль рококо”; далі дослідниця відзначає, що для “Сентиментальної мандрівки” характерна гра – на всіх рівнях – “реального” та “ілюзорного”; що “гра точок зору є основною пружиною розгортання дії”, а “нарація від першої особи типова для роману рококо”; що читачі, які цього не зрозуміли (серед них, подібно, опинився навіть Т. Смолетт), винуватили Стерна в гріхах Йорика” [5, 33].

Щоб якось розібратися в цих парадоксах, звернемося до кардинального питання, яке особливо хвилювало людей XVIII століття: проблеми *природи людини*. Адже в цю пору розпочався величезний культурний зсув: на зміну традиційному церковному погляду на людину як істоту “зіпсовану” гріхом (св. Августин), яка може хіба що відновити в собі затьмарений образ Божий (і

¹ Утім, Д. Затонський дотримувався того погляду, що всяка епоха має “власний” постмодернізм [див.: 3].